

Н.В. Сечина

«Журналист, Читатель и Писатель»

Стихотворение написано весной 1840 года, когда Лермонтов находился под арестом за дуэль с де Барантом.

В этом произведении Лермонтов выступает не только как поэт, но как критик и полемист, высказываясь по поводу состояния дел в современной литературе. Стихотворение можно отнести к теме судьбы поэта и его поэзии. Белинский писал, что «Журналист, Читатель и Писатель» «напоминает и идею, и формой, и художественным достоинством «Разговор Книгопродавца с Поэтом» Пушкина».

Следует отметить, что язык лермонтовского произведения можно отнести к достижениям реализма в его творчестве. Простота разговорной речи, легкость и лаконичность фраз уже Белинским была определена как «верх совершенства».

Композиционно стихотворение состоит из двух частей. Первая часть представляет собой критический взгляд на современную словесность.

Читатель вступает в резкий спор с Журналистом, в чьих словах выражена позиция современных литераторов. Читатель негодует против романтической пошлости, которой наполнены страницы журналов:

Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный?

Так в произведении возникает тема бесплодности, отсутствия истинной литературы, отражающей жизнь.

Поддерживая позицию Читателя, Писатель говорит о том, что романтизм себя исчерпал:

О чем писать? Восток и юг
Давно описаны, воспеты;
Толпу ругали все поэты,
Хвалили все семейный круг;
Все в небеса неслись душою,
Взывали с тайною мольбою
К N.N., неведомой красе, —
И страшно надоели все.

Эти слова нельзя понимать как отказ от творческой деятельности; они должны восприниматься как стремление к поиску нового в литературе. Сходные мнения были высказаны в 1820–30-е и другими писателями, поэтами, критиками. Например, А. Бестужев писал: «У нас есть критика и нет литературы». Пушкин сделал наброски статьи со значимым названием «О ничтожности литературы русской». Белинский в «Литературных мечтаниях» утверждал: «У нас нет литературы». Этим же смыслом наполнены слова Читателя о «Руси бесплодной» и риторический вопрос Писателя: «О чем писать?»

Вторая часть стихотворения — монолог Писателя. В нем высказаны два варианта творчества. В первом случае,

Когда и ум, и сердце полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна во след другой
Несутся вольной чередой.

В результате к поэту приходит удовлетворенность плодами своего труда:

Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.

По-иному строится творческий процесс, когда литератору

...Диктует совесть,
Пером сердитый водит ум...

И тогда писатель с гневом и презрением изображает «картины хладные разврата», не видя добродетели в людях.

Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток...

Ю. Лотман отмечает, «что вопрос о праве литературы на обличение общественных пороков, о природе зла и законов его изображения в литературе в конце 1830-х — начале 1840-х гг. стоял очень остро». В этот период Лермонтова занимает изображение света как маскарадного бала, средоточения зла. Поскольку в творчестве поэта происходит движение в направлении романтизма, то он ищет формы ухода от субъективного видения к объективному. Именно в этом причина сомнений Писателя. С одной стороны, он не желает показывать горькие строки правды «неприготовленному взору»,

Чтоб тайный яд страницы знойной
Смутил ребенка сон покойный И
Сердце слабое увлек В свой необузданный поток.

С другой стороны, в начале монолога рисуется идиллическая картина, где поэт силой своего слова меняет мир, который

... Мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.

Как отмечает Лотман, «критицизм и утопизм не исключали, а взаимно подразумевали друг друга, и связь и обоюдное усиление этих двух, казалось бы, противоположных тенденций составляет характерную черту русского реализма». Русские писатели, по мнению исследователя, «не отрицали ни страшного лица современности, ни необходимости правдивого его изображения в искусстве, но требовали лишь, чтобы этот мир был «очищен и обмыт» утопической «мечтою благородной».

Трагедия Писателя в лермонтовском произведении заключена в том, что, желая создать в будущем гармонию мира, в настоящем он сталкивается с жестокостью и непониманием. Это приводит к мысли о ненужности его творчества современникам:

... Эти странные творенья
Читает дома он один,
И ими после без зазренья
Он затопляет свой камин.

Значение стихотворения, его глубинный смысл, его идея выражены в словах Лотмана:

«Своими стихами Лермонтов предвосхитил трагедию Гоголя, включая и роковое упоминание камина, в котором поэт жжет свои рукописи. Но значение лермонтовской декларации еще шире: она стоит у истоков традиции, типологически характерной именно для русской литературы, — предъявлять искусству высочайшие требования, в том числе и такие, которые средствами искусства в принципе удовлетворены быть не могут, — требования непосредственного преобразования жизни. И, разочаровавшись, — вообще отказываться от искусства, как язычник отворачивается от обманувшего его бога.

Достаточно назвать имена Гоголя и Толстого, чтобы увидеть, как глубоко заглянул Лермонтов в будущее русской литературы».

Интересна полемика литературоведов о том, в чьих словах выражена позиция Лермонтова.

Б. Эйхенбаум отмечает, что

«в лице читателя Лермонтов изобразил себя и свою позицию, а в лице писателя — Хомякова — представителя нового литературного движения. В таком случае речь писателя нельзя понимать как “исповедь” Лермонтова. В самом деле: трижды повторенный меланхолический вопрос писателя “О чем писать?” трудно приписать Лермонтову, выпускавшему в это время свой роман и печатающему много стихотворений... все эти соображения и факты заставляют прийти к выводу, что “Журналист, Читатель и Писатель” — ироническое стихотворение и что эпиграф надо понимать как суждение самого Лермонтова, обращенное против современной профессиональной (интеллигентской) литературы. Он выступает под псевдонимом “Читателя” именно потому, что не считает и не хочет считать себя профессиональным литератором. Ирония здесь, как всегда у Лермонтова, имеет не просто сатирический, а трагический характер».

Иную точку зрения высказывает Ю. Лотман.

«Безусловное противопоставление Читателя и Писателя и следующее из него исключение слов Писателя из круга авторских размышлений противоречат непосредственному читательскому чувству: речи Писателя звучат таким искренним лермонтовским пафосом, что традиционно воспринимаются читателями не в ироническом ключе... Кроме того, нельзя не заметить, что позиция Читателя чисто негативна: он отвергает определенные явления современной литературы, но ничего не говорит о возможных путях будущего развития. Это и естественно: Читатель — светский человек, наделенный вкусом и здравым смыслом, далекий от профессиональной литературы... Но мы располагаем сведениями, что именно в эту пору Лермонтов все больше чувствовал себя связанным с литературой, беседовал с Краевским об основании журнала и собирался, добившись отставки, сделаться профессиональным литератором. Можно предположить, что и Читатель, и Писатель выражают разные аспекты жизненной и литературной позиции Лермонтова на перепутье весны 1840 г.».

Позиция Лотмана представляется более аргументированной и весомой.